

Р.Т. Мухаев

ГЕОПОЛИТИКА

Второе издание,
переработанное и дополненное

*Рекомендовано Учебно-методическим центром
«Профессиональный учебник» в качестве **учебника**
для студентов вузов, обучающихся по специальностям
«Государственное и муниципальное управление» (080504),
«Регионоведение» (080201), «Политология» (030201),
«Международные отношения» (030701)*

Москва • 2017

УДК 327.2(075.8)
ББК 66.4(0),03я73-1
М92

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор *Г.А. Белов*
доктор философских наук, профессор *В.И. Коваленко*
доктор политических наук, профессор *А.И. Соловьев*

Главный редактор издательства *Н.Д. Эриашвили*,
кандидат юридических наук, доктор экономических наук, профессор,
лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники

Мухаев, Рашид Тазитдинович.

М92 Геополитика: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Государственное и муниципальное управление», «Регионоведение», «Политология», «Международные отношения» / Р.Т. Мухаев. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. — 839 с.

ISBN 978-5-238-01819-5

Агентство СІР РГБ

Впервые в отечественной литературе геополитика рассматривается как наука и как политическая практика глобального взаимодействия государств в контексте всей совокупности факторов, определяющих стратегический потенциал государств в современном мире.

Представлено системное изложение геополитики как научной дисциплины, прослежена эволюция геополитических идей и концепций, раскрыто современное состояние геополитики. Выделены национальные школы геополитики, выявлена специфика их проблемных комплексов и основных категорий, показано их прикладное значение. Рассмотрена практика формирования геополитических пространственных моделей, лежащих в основе мирового политического порядка на различных этапах исторического развития человечества.

Особое внимание уделяется анализу современной фазы геополитического развития мирового сообщества, ведущих стран мира и России. В условиях возрастающей взаимозависимости современного мира и глобализации мировой политики выявлены основные факторы и формы борьбы за мировое пространство в XXI в., рассмотрены динамика глобальных и региональных угроз и вызовов, механизмы обеспечения национальной безопасности и способы разрешения глобальных и локальных конфликтов.

Для студентов и аспирантов, обучающихся по специальностям «Государственное и муниципальное управление», «Политология», «Международные отношения», «Регионоведение».

ББК 66.4(0),03я73-1

ISBN 978-5-238-01819-5

© ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА, 2007, 2010

Принадлежит исключительное право на использование и распространение издания (ФЗ № 94-ФЗ от 21 июля 2005 г.).

Воспроизведение всей книги или любой ее части любыми средствами или в какой-либо форме запрещается без письменного разрешения издательства.

© Оформление «ЮНИТИ-ДАНА», 2010

От автора

Геополитика как наука, изучающая взаимодействие различных стран или регионов в масштабе всей планеты с учетом *географических* факторов, возникла на рубеже XIX—XX вв. и бурно развивается в наше время.

В России геополитика получила права «гражданства» лишь спустя сто лет — в 90-е годы XX в. В СССР геополитика считалась буржуазной наукой, была объявлена «служанкой» реакционной империалистической идеологии, цель которой состояла в обосновании правомерности территориальных экспансий. Негативному восприятию геополитики во многом способствовали два обстоятельства.

- (1) Разработки германской школы геополитики в области законов «пространственного роста государств», были предоставлены их авторами в распоряжение вождей Третьего рейха и стали теоретической основой официальной доктрины фашизма — концепции борьбы за «жизненное пространство». После окончания Второй мировой войны эти теоретические разработки германской геополитики были заимствованы американцами для обоснования собственных притязаний на мировое господство.
- (2) Мировой политической порядок, существовавший в течение почти всего XX в., опирался на геополитическую доктрину ядерного сдерживания и противоборства двух равных по силе глобальных геополитических блоков — *социалистического*, возглавляемого СССР, и *капиталистического* во главе с США, что также подпитывало негативно-критическое отношение к геополитике.

Только с окончанием холодной войны (1947—1989 гг.), распадом социалистического лагеря и СССР (1991 г.), антитоталитарными революциями (1989—1991 гг.) в странах Центральной и Восточной Европы, объединением Германии и распадом Юго-

славии и Чехословакии, крушением *биполярной* системы международных отношений (СССР — США) в России произошла переоценка роли геополитики. Впервые она была признана как политологическая концепция, согласно которой политика государств, в особенности внешняя, в основном предопределена различными географическими факторами: пространственным расположением, наличием либо отсутствием определенных природных ресурсов, климатом, плотностью населения и темпами его прироста и т.п.

На рубеже XX—XXI вв. произошел новый всплеск интереса к геополитике как к науке, так и политической практике. Он был обусловлен кардинальными сдвигами, произошедшими в структуре современных международных отношений. Мировое сообщество в начале XXI в. оказалось под мощным влиянием разнонаправленных факторов, которые сделали его развитие все более неопределенным. Распад СССР привел в начале 1990-х годов к преобладанию в мире одной сверхдержавы — США и формированию *однополярного* мирового порядка. Одновременно глобализация мировой экономики способствовала нарастанию экономической и политической взаимозависимости стран и народов, универсализации мира, открытости национальных границ и формированию гомогенности мирового сообщества (потребности в общих нормах). Другим следствием глобализации является тот факт, что происходило падение роли национальных государств и как итог — нарастание угроз и вызовов, порожденных состоянием хаоса в международных отношениях. По этой причине многие страны активизируют поиски своего места в новой системе международных отношений, стремясь определить друзей и союзников. Наконец, глобализация привела к концентрации богатства в руках экономически развитых стран, что вызвало рост недовольства бедного и отсталого большинства мирового сообщества («Юга») несправедливой системой миропорядка, гнев которого был направлен против богатого меньшинства («Севера»).

Разнонаправленные действия преобразующих факторов приводят к тому, что будущее устройство мира покрыто мраком неопределенности. Однако очевидно другое, что в результате воздействия на мир этих факторов сформировался принципиально *иной* политический миропорядок, сложилась *новая* геополитическая и цивилизационная картина мира.

Повышенный интерес к геополитике в России в этих условиях вполне закономерен и обусловлен рядом причин.

1. Необходимость более адекватной оценки Российским государством своего нового международного статуса и на этой основе геополитического позиционирования в системе многополярного мира.

2. Потеря сверхдержавного статуса для России, а также значительного демографического, производственного и интеллектуального потенциала неизбежно сопровождается геополитическим и геоэкономическим сжатием, чреватым новыми угрозами.

3. Нарастающая динамика угроз и вызовов касается не только России, но и мирового сообщества. По мнению американского социолога, одного из основателей мир-системного анализа *Иммануила Валлерстайна*, современная капиталистическая мир-система исторически уникальна как раз своим происхождением из экономических потоков всемирного масштаба, которые оказались неподконтрольны территориально-политическим целостностям. Но эта система не вечна. Валлерстайн предположил, что капитализму грозит гибель, скорее всего, не потому, что какие-то классы не захотят жить при этом строе, как, например, пролетариат (как полагали марксисты), а потому, что слишком многие захотят при нем жить. Эту тенденцию выражает масштабная миграция из стран третьего мира в развитые западные страны, что вынуждает последних ужесточать свое миграционное законодательство. Однако во всемирном масштабе большинство населения не сможет стать средним классом именно потому, что система воспроизводит иерархию и неравенство. В этой ситуации целые территории оказываются лишними для эффективного функционирования рынков — без каких-либо перспектив для их обитателей.

Американский футуролог и политолог *Элвин Тоффлер* в книге «Эра смещения власти» (1990) писал о возможных «глобальных гладиаторах» — странах-изгоях мирового порядка, способных наращивать вооружения и в ответ на дискриминационные экономические и политические меры со стороны Запада бросать ему террористический вызов (как, например КНДР, Иран). Все это привело к формуле «столкновение цивилизаций» С. Хантингтона, к выводам о неизбежности конфликтов вдоль культурно-религиозных линий разлома. Подтверждением этих опасений стал «авиашок» Америки 11 сентября 2001 г. уже в XXI в. Удар исламского фундаментализма по мировому центру рыночного фундаментализма показал, что у понятия «постиндустриальное общество» может быть еще один

синоним — «*терминальное общество*». По-латыни *terminalis* значит «относящийся к концу». К началу 3-го тысячелетия крушение систем, держав, идеологий, внезапные обрывы жизней из-за дорожных катастроф, криминала, терроризма переполнили мир.

В 2008 г. глобальный финансовый кризис окончательно похоронил прежнюю модель мирового порядка, в которой доминировали США, и сделал мир многополярным. Однако конфигурация *посткризисного* мира далеко неочевидна, в ней «старые» угрозы дополняются новыми. В условиях долгосрочной инновационной нестабильности, которая сложилась в результате кризиса, чрезвычайно актуален научный поиск ответов на вопросы, составляющие фундаментальные основы посткризисного политического миропорядка. Как справедливо замечал И. Валлерстайн:

мы живем в несовершенном мире, он всегда будет несовершенен, и потому в нем всегда будет несправедливость. Но перед этой реальностью мы вовсе не беспомощны. Мы можем сделать мир менее несправедливым; мы можем сделать его более прекрасным; мы можем углубить наше познание его. Нам нужно всего лишь разговаривать друг с другом и стремиться получить друг от друга то особое знание, которое каждый сумел приобрести¹.

В настоящем учебнике представлена попытка ответить на многие из этих вопросов на основе *системной интерпретации* геополитики. Содержание современной геополитики как науки составляют способы интерпретации политической структуры XXI в., ее природы, возможных сценариев ее развития, а также моделей поведения государств, их союзов как субъектов мирового сообщества. При этом современная геополитическая картина мира является процессом и результатом взаимодействия политических акторов (государств, блоков, транснациональных корпораций) и складывается под влиянием не только географического, а широкого спектра гуманитарных факторов.

¹ Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI в. М., 2004. С. 285.

Раздел I

Геополитика как научная дисциплина: основные идеи, концепции и этапы развития

- 1 Предмет, метод и основные парадигмы современной геополитики
- 2 История геополитических идей и становление геополитики как самостоятельной научной дисциплины: истоки и традиции
- 3 Классическая геополитика: национальные школы и основные направления в современной геополитике
- 4 Современная геополитика: основные направления, научные школы и проблемные комплексы
- 5 Российская геополитическая школа: история и современность

Понятие «*геополитика*», давшее название самостоятельной науке, состоит из двух греческих слов: *geo* — земля, *politicos* — форма, организация и деятельность государства (полиса) или правительства, его отношения с гражданами и другими государствами.

Как *научная дисциплина* геополитика сформировалась в XX в., отпочковавшись от политической географии. В научный обиход термин «*геополитика*» был введен шведским географом *Р. Челленом* в 1916 г. в работе «Государство как форма жизни».

Термин «*геополитика*» употребляется в двух значениях: в узком (как наука) и широком (как политическая практика). В узком значении геополитика предстает как научная дисциплина, обладающая собственным методом и изучающая зависимость государственной политики от географических факторов. В широком смысле это понятие обозначает сознательно проводимую или спонтанно формирующуюся политику государств в той степени, в которой она связана с географическими и территориальными факторами.

По замечанию русского ученого *Л.И. Мечникова*, политики привыкли смотреть на высокие горные цепи как на естественные границы между государствами, расами и культурами, что приводило к ошибочным суждениям и решениям. Однако это не так. Например, Альпы, составляющие политическую границу между Францией, Италией и Германией, являются в то же время местом смешения трех главных европейских рас — латинской, галльской и германской. Сложный этнологический состав населения Кавказа и Гималайских гор должен быть неопровержимым доказательством того, что самые высокие и неприступные горные цепи вопреки общераспространенному мнению играют роль убежищ, где происходит сближение самых разнородных этнических элементов под влиянием суровых условий жизни.

Первоначально префикс «*geo*» в слове «*геополитика*» указывал на географический или пространственно-территориальный аспект во внешней политике того или иного государства или группы государств, т.е. зависимость действий государства от *географических факторов* (размеров и масштабов территории конкретного государства, место его расположения, топографии, доступа к морям и океанам, климата, наличия природных ресурсов, и т.д.).

Действительно, во многом специфику политической организации той или иной страны можно объяснить случайными, но важными природными особенностями занимаемого ею пространства. Так, например, своей национальной обособленностью японцы обязаны морскому течению Куро-Сиво и подводным камням, делающим доступ к берегам Японских островов весьма опасным. Во многом государственное устройство Великобритании можно считать простым результатом ее островного положения. Альпийские горы очень долгое время служили колыбелью и защитой свободы швейцарских крестьянских коммун. Наконец, Пиренеи защищали «льготы и вольности» горных басков несравненно лучше и вернее, чем королевские хартии и грамоты.

Однако становление современной системы международных отношений во второй половине XX в. привело к переосмыслению содержания префикса «*geo*», которое уже не сводилось исключительно к пространственному рас-

положению государств. Он стал означать более широкий набор факторов (исторических, экономических, идеологических, культурных, цивилизационных и т.д.), определяющих поведение как отдельных государств, союзов, блоков, так и всего мирового сообщества в целом в глобальном контексте.

Стремительно меняющийся мир и усложняющаяся геополитическая структура XXI в. нуждаются в осмыслении и анализе. В современных условиях *геополитика* выступает тем «магическим кристаллом», через который человечество смотрит на себя и оценивает свои перспективы, которые не всегда очевидны из-за многообразия национальных интересов, нуждающихся в согласовании. В экономическом и социальном смыслах политическая карта мира XXI в. представляет весьма собой разнородное пространство асимметрично взаимодействующих друг с другом государств. Сегодня их 250 — они большие и малые, богатые и бедные. Их роль в системе современных международных отношений неодинакова, как, впрочем, и их экономическое и политическое могущество.

Такой показатель, как *производство товаров и услуг*, постоянно растет. За три последние десятилетия XX в. мировой ВВП увеличился почти в 12 раз (1971—1997 гг. — с 2,8 трлн до 32,8 трлн долл.). Однако роль стран и регионов в создании мирового ВВП разная. На американском континенте производится 37% всех товаров и услуг, в Европе — около 32%. На долю Азии, где проживает большая часть населения Земли, приходится менее 30% мирового ВВП, а в Африке производится чуть более 1,5%. Несомненным лидером мировой экономики по этому показателю со времен окончания Второй мировой войны являются США. К концу XX в. ВВП США превысил 7 трлн долл. Это более 20% всего мирового валового продукта. Однако, по прогнозам российских экономистов, уже к 2010 г. ситуация изменится. В лидеры, потеснив США, выйдет Китай, Япония окажется на третьем месте, а четвертое, обогнав Германию, займет Индия. Россия же будет по-прежнему находиться в середине второй десятки.

Иную картину дает сопоставление *ВВП на душу населения*. По этому показателю первые места занимают Люксембург (в 1996 г. — 47 986 долл.), Швейцария (40 900 долл.), Япония (36 728 долл.), Норвегия (35 659 долл.), Дания (33 240 долл.). За пятеркой лидеров следуют Сингапур, ФРГ, США, Швеция и большинство других стран Западной Европы. Россия, увы, особыми успехами не может похвастаться: ВВП на душу населения составил в 2000 г. лишь 8700 долл., т.е. примерно столько же, сколько в Мексике.

Однако мировой экономический кризис 2008—2009 гг., начавшийся в США и обваливший мировую финансовую систему, выявил банкротство *англосаксонской* модели экономики, основанной на саморегулировании, полной свободе действий бизнеса и отвергающей государственное вмешательство в экономическую жизнь. Кризис заставил развитые страны отказаться от этой модели и устремиться на поиски новой. Крах англосаксонской модели показал неготовность современного государства ответить на вызовы времени. Неуклонная глобализация мировой экономики, политики, культуры, нарастающее усложнение взаимосвязей между странами и народами сдела-

ли мир более взаимозависимым, а международную систему — более комплексной. Но при этом повысилась и ее уязвимость, а механизмы защиты оказались беспомощными.

Противоречивое переплетение национальных и наднациональных интересов заставляет заново переосмыслить фундаментальные основы мирового политического порядка в *посткризисный* период. Какова роль национальных государств, суверенитет которых размывается их глобальной взаимозависимостью? Какие факторы станут основой доминирования государств в посткризисный период? Какова конфигурация посткризисного миропорядка? Как в условиях долгосрочной инновационной нестабильности обеспечить национальную и международную безопасность? Каковы движущие силы, изменяющие сегодня политическую картину мира? Какие факторы определяют статус государств в поствестфальской системе международных отношений? Можно ли застраховаться от новых глобальных кризисов, подобных финансовому кризису 2008—2009 гг.? Каким будет новый миропорядок в постамериканский период истории? Будет ли устойчивой система международных отношений, которая опирается на соперничество десятка великих держав?

Ответить на эти и множество подобных вопросов и призвана *геополитика* — наука о взаимосвязи международной политической мощи и географического фактора.

Предмет, метод и основные парадигмы современной геополитики

Французский писатель-гуманист *Антуан де Сент-Экзюпери* (1900—1944) в повести «Планета людей», окидывая взором историю человечества, недоуменно вопрошал:

Чего ради нам ненавидеть друг друга? Мы все заодно, уносимые одной и той же планетой, мы — команда одного корабля. Хорошо, когда в споре между разными цивилизациями рождается нечто новое, более совершенное, но чудовищно, когда они пожирают друг друга.

Невольно вступая с ним в диалог, известный американский исследователь *Николас Спайкмен* (1893—1944), напротив, утверждал, что величайшая ошибка состоит в наивной вере, что в мире силовой политики хорошие отношения складываются будто бы благодаря дружеским чувствам между лидерами или народами. За все пять тысяч лет истории международных отношений не было ничего, что могло бы хоть как-то подкрепить эту веру. Как замечал Спайкмен, союзы создаются не благодаря чувствам и эмоциям, а вследствие действия *географических причин и баланса сил*. Если при этом и возникают какие-то дружественные чувства по отношению к союзнику, то они обычно — следствие, а не причина политического сотрудничества¹.

Действительно, если непредубежденно взглянуть на историю человечества, то окажется, что она представляет собой нескончаемую череду мировых и локальных войн и конфликтов, целью которых чаще всего являлось стремление государств к расширению жизненного пространства, господству и контролю над территорией и ресурсами соседних государств.

По подсчетам ученых, в истории человечества разного рода военные конфликты вспыхивали в среднем три раза в год, а их общее число за пять тысячелетий приближается к 15 тыс. С течением времени разрастались масштабы войн, и минувший XX век дал наиболее наглядное тому подтверждение. Во Вторую мировую войну было

¹ См.: *Spykman N. The Geography of the Peace*. Harcourt Brace. N.Y., 1944.

вовлечено 71 государство, погибло, по некоторым данным, 55 млн человек. В локальных войнах второй половины XX в. погибло около 40 млн человек, а свыше 30 млн стали беженцами.

На рубеже XIX—XX вв. возникновение геополитики как самостоятельного комплекса знаний было обусловлено необходимостью выявления *механизмов и форм контроля над геопространством и исследования природы мирового господства и законов глобального лидерства*. Вплоть до промышленной революции начала XIX в. в условиях господства традиционной технологии и низкой производительности труда в сельском хозяйстве и промышленности то или иное государство могло увеличить свои богатство, мощь и власть путем установления контроля над чужими территориями или завоевания других стран и народов. Первоначально именно территория и местоположение государства выступали важнейшими ресурсами экономического и социального прогресса страны, факторами ее могущества, которые, в конечном счете, определяли место и роль государства в мировой политике. География и месторасположение государств имеют множество аспектов, влияющих на их политический статус в глобальной политике: размеры и масштабы территории конкретного государства, место его расположения, топография, климат, условия для сельскохозяйственного производства, наличие природных ресурсов, доступ к морям и океанам и т.д. По этой причине зарождавшаяся геополитика основывалась на *географическом детерминизме* и была призвана выявить связь политических и территориальных аспектов деятельности государств, зависимость политических решений от пространственного расположения политических сил в масштабах всего земного шара.

Во второй половине XX в. стремительно меняющаяся политическая реальность привела к размыванию первоначального смысла термина «геополитика», а вместе с ним и границ предметного поля науки. Традиционные интерпретации международной политики в пространственно-территориальных и силовых терминах пришли в известное противоречие с новыми реалиями, которые уже не могли быть поняты и проанализированы на основе постулатов конца XIX в., сформулированных создателями геополитики. На смену промышленной цивилизации с национальным государством в качестве основного субъекта международных отношений пришли информационное общество и глобальная экономика, разрывающие принципы государственного суверенитета и формирующие новый геополитический порядок, конфигурация которого не вполне очевидна.

В ситуации нарастания динамики угроз и вызовов все национальные системы государственности и современного права начинают ощущать признаки кризиса. С учетом реальностей современного

мира перед геополитикой встала весьма актуальная задача разработки новых парадигм, форм и методов исследования тех широкомаштабных изменений, которые за последние два-три десятилетия в буквальном смысле слова радикально трансформировали облик мирового сообщества. В этих условиях *современная геополитика* в отличие от *традиционной* ориентирована на исследование процессов и принципов международной интеграции и дезинтеграции, механизмов регионального сотрудничества в условиях нарастания глобальных угроз и вызовов как в деятельности отдельных государств, их коалиций, так и мира в целом.

Следовательно, глобальные вызовы и угрозы XXI в. обусловили изменения в содержании геополитики как самостоятельного комплекса знаний, имеющего собственный предмет исследования, методологию анализа, систему категорий, с помощью которых описываются глобальные взаимодействия государств в границах мирового сообщества. Новые реалии вызвали потребность в критическом переосмыслении базовых постулатов классической геополитики и необходимости «инвентаризации» геополитического знания, приведения его в соответствие с требованиями времени.

1.1. Что и как изучает геополитика как наука: подходы и точки зрения

Вопрос о том, что изучает геополитика, — дискуссионный, поскольку круг проблем, составляющих *предмет* геополитики как науки, не оставался неизменным. Вместе с изменениями глобального пространства он трансформировался. Поэтому предмет геополитики всегда вызывал споры среди ученых, постоянно уточнялся и дополнялся. Границы предметного поля геополитики варьировались в зависимости от того, какие ответы были даны на основные вопросы, определявшие содержание мировой политики.

- (1) Какова *природа* мирового господства?
- (2) Чем определялись стратегический потенциал и *статус* государства в мировой системе?
- (3) Какими факторами обусловлена *конфигурация* пространственных моделей отношений между ведущими геополитическими акторами?
- (4) Чем обусловлены границы использования геополитических *технологий* для завоевания гегемонии и контроля над пространством?
- (5) Какова доминирующая система геополитических *координат*?

Различия в интерпретации природы геополитических взаимодействий государств и структуры глобального пространства позволяют условно выделить две основные версии науки: (1) *традиционное* (клас-

сическое) понимание геополитики и (2) *современную* (постклассическую) версию геополитики, в которых существуют разные определения предмета.

Традиционная (классическая) интерпретация предмета геополитики

В традиционном понимании геополитика интерпретируется как дисциплина, призванная изучать исключительно или преимущественно *пространственный* аспект международных отношений, основываясь на принципах географического детерминизма.

Традиционная геополитика, зародившись на рубеже XIX—XX вв., акцентировала внимание на осмыслении роли географического фактора в мировой политике. До недавнего времени мощь и влияние государств непосредственно зависели от занимаемого географического положения, количества проживающего в странах населения и расположенных в них природных богатств. По этой причине традиционная геополитика видела в территории уникальный и наиболее значимый *ресурс* политической власти, позволяющий государствам реализовывать программу своего жизнеобеспечения, взаимодействовать с торговыми и финансовыми центрами, развивать глобальные и локальные связи с другими странами.

Совершенно очевидно, что географическое положение создает определенные предпосылки для решения государством не только многочисленных экономических и внутривнутриполитических, но также основополагающих внешнеполитических задач. Фактически мощь и богатство государства во многом определялись размерами контролируемой им территории. По этой причине на протяжении всей истории человечества главная цель государств состояла в завоевании территорий для решения своих экономических задач, обеспечения безопасности и т.д. Для этого использовались средства насильственного подчинения одного народа другому или аннексии прилегающей территории и ее ресурсов. Государства, особенно великие, во все времена руководствовались императивом расширения своего *контроля* над соседними странами и народами, а при возможности и над всей международной системой. В связи с этим теорию изменений в международной политике обычно именуют теорией империализма и территориальной экспансии.

Абсолютное большинство исследователей и поныне продолжают рассматривать геополитику как науку о *территориально-пространственных* и *силовых аспектах международных отношений*. По их мнению, геополитика как академическая дисциплина в качестве предмета изучает политическую стратегию государства или группы государств

на мировой арене, обусловленную их пространственно-территориальным измерением.

Данная точка зрения на предмет геополитики является доминирующей. Исследуя связи между пространственными и функционально-политическими характеристиками тех или иных регионов мира, геополитическая теория акцентирует внимание на взаимодействии глобальных субъектов и анализе мировых тенденций, затрагивающих весь земной шар. Она выявляет не только общие закономерности и тенденции международной жизни, но и разрабатывает практические рекомендации о генеральной линии поведения государства на мировой арене.

Очевидно, что в рамках классической геополитики происходило постоянное развитие, дополнение и уточнение определения предметного поля науки. Характеризуя геополитику как *вид* внешней политики, определяемый территориальными интересами народов и стран, разные авторы выделяли различные аспекты (силовые, военные, политические, дипломатические) в деятельности государств по реализации своих геополитических интересов.

Концепция Р. Челлена По мнению одного из основателей геополитики — шведского ученого *Рудольфа Челлена* (1864—1922), стремление к экспансии и расширению жизненного пространства составляет сущность любого государства. В классической работе «Государство как форма жизни» Челлен так определял предмет геополитики: «Это — наука о государстве как географическом организме, воплощенном в пространстве»¹. По Челлену, в состав геополитики входят:

- (1) *топополитика*, изучающая *политическое окружение* данного государства. Центральный вопрос для нее — давление на государство, оказываемое со стороны внешнего окружения. Такое давление усиливается или облегчается политическими союзами и иными подобными соглашениями. Географическое положение, считал ученый, в известном смысле может быть признанным «ключом ко всей политике». Он считал, что буферное или периферийное положение государства всегда является привлекательным для политического давления;
- (2) *морфополитика* — *учение о форме государственной территории*. Пространство изучается как таковое без внимания к его материальному содержанию. За идеальную форму территории госу-

¹ *Kjellen R. Der Staat als Lebensform. Stockholm, 1916. S. 23.*

дарства, по Челлену, принимается круг, а государства, форма территории которых удаляется от круга и имеет продолговатый вид (например, Норвегия), проигрывают с геополитической точки зрения. Размер государства составляет фундамент его мощи;

- (3) *физиополитика* — учение о государственной территории с позиции ее содержания (или, по Челлену, это учение о «доминиуме»). Предмет физиополитики — физическое заполнение расположенной в пределах государственных границ территории. В этом случае приобретают важное значение все физико-географические свойства территории, оказывающие влияние на политику государства.

В науке о государстве, состоящей из пяти дисциплин — *геополитики, экополитики, демополитики, социополитики и кратополитики*, — по Челлену, наиболее важной является геополитика, которая выступает для них в качестве базисного элемента. Это объясняется тем, что государство представляет собой пространственный организм и его поведение определяется этой сущностью. Все это предопределило политические и военно-политические аспекты геополитической науки.

Исходя из этого главная задача геополитики состояла в обосновании неизбежности территориального передела мира для развития государств, поскольку пространство уже разделенного мира можно отвоевать лишь силой оружия.

В своей главной работе «*Der Staat als Lebensform*» Челлен предпринял попытку проанализировать анатомию *силы* и ее *географические* основы для выявления путей создания *сильного государства*. Подобно Ратцелю, он считал, что великие державы запрограммированы стремиться к расширению жизненного пространства в целях поддержания численности своего населения, достижения автаркии в отношении продовольствия и природных ресурсов.

Концепция К. Хаусхофера В интерпретации другого немецкого ученого *Карла Хаусхофера* (1869—1946) геополитика рассматривалась как географический разум государства. Ее главная цель — придание политической жизни определенного направления. Тем самым геополитика выступает как искусство руководства практической политикой. В основе прикладного подхода к геополитике Хаусхофера лежало убеждение, что в качестве определяющих факторов политического могущества государства выступали его месторасположение и территориальные характеристики. По этой причине геополитика понималась им как наука, изучающая «взаимоотношения

между окружающим человека пространством и политическими формами его жизни»¹.

Интерпретация Н. Спайкмена Наиболее целостно и достаточно образно силовую интерпретацию предмета геополитики как вида внешней политики сформулировал американский географ *Николас Спайкмен* — первый директор Института международных отношений в Йельском университете. По его мнению, в центре геополитики стоит проблема *безопасности*, напрямую зависящая от географического расположения государства.

В мире международной анархии внешняя политика должна иметь своей целью прежде всего улучшение или по крайней мере сохранение сравнительной силовой позиции государства. Сила в конечном счете составляет способность вести успешную войну, и в географии лежат ключи к проблемам военной и политической стратегии. Территория государства — это база, с которой оно действует во время войны, и стратегическая позиция, которую оно занимает во время временного перемирия, называемого миром. География является самым фундаментальным фактором во внешней политике государств, потому что этот фактор — самый постоянный. Министры приходят и уходят, умирают даже диктатуры, но цепи гор остаются непоколебимыми².

Правда, среди сторонников классической традиции существуют авторы, которые стремятся переосмыслить принципы географического детерминизма в интерпретации геополитики с учетом новых реалий. Они отмечают появление новых факторов глобального взаимодействия, приводящих к трансформации всей геополитической структуры, но при этом они настаивают на сохранении классического определения предмета науки.

Концепция П. Галлуа По мнению известного французского военного исследователя *П. Галлуа* (род. 1911), современную фазу геополитической эволюции мира характеризует смена субъектов мировой политики. Место *национальных государств* — ведущих акторов традиционной геополитики постепенно занимают интегративные образования, блоки, народы, все человечество, способные совместными действиями ответить на новые угрозы.

¹ *Haushofer K.* Allgemeine politische Geographic und Geopolitik. Heidelberg, 1951. S. 16.

² *Spykman N.* America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power. N.Y., 1942. P. 41.

Геополитическая структура современного мира, согласно Галлуа, претерпела существенные изменения, и благодаря действию новых факторов она приобрела ряд отличительных черт.

- (1) Сегодня в глобальной политике ведущую роль играет *ракетно-ядерное оружие*. Владение им выравнивает силы ядерных государств независимо от их географического положения, численности населения и традиционных физико-географических свойств территории.
- (2) Произошло расширение геополитического пространства, которое прежде было ограничено Землей — сушей, морем и воздушным пространством. Современная фаза геополитической эволюции во многом определяется настоящим и будущим освоением *космического пространства*, которое превращается в глобальный фактор геополитики.
- (3) Важной отличительной чертой является возрастающее *вмешательство широких масс населения* в политический процесс, что не учитывала традиционная геополитика. Теперь же она обязана это учитывать, потому что развитие средств массовой информации и связи, а также непосредственное вмешательство населения в политику способны привести человечество к последствиям разрушительного характера, сравнимым, отмечает Галлуа, лишь с последствиями ядерного катаклизма.

По его мнению, наиболее опасна возможность доступа террористов к оружию массового уничтожения, их проникновения на атомные электростанции. Однако при этом Галлуа замечает, что важно не утратить саму суть предмета геополитики: «Изучение отношений, существующих между властной политикой в международном плане и теми географическими рамками, в которых она проводится»¹.

Современная (постклассическая) интерпретация предмета геополитики — «путевороты» и мондиализм

В современной версии геополитика трактуется весьма широко — как наука, изучающая в единстве все взаимодействующие факторы (географические, исторические, политические, идеологические, культурные и другие), оказывающие влияние на стратегический потенциал государства. Современная геополитика в определении реального статуса того или иного государства исходит из растущего значения многополярности миропорядка, многофакторности и динамичности происходящих в нем процессов.

¹ Gallois P.M. Geopolitique. Les voies de la puissance. Paris, 1990. P. 37.

В современных условиях главным фактором, который обеспечивает политический вес государства, выступает уровень освоения им новых технологий и коммуникаций. Поэтому в основании разработки *геостратегии* сегодня могут лежать принципиально разные установки геополитики, определяемые степенью индустриального и постиндустриального развития общества. В силу этого политика проникновения на новые территории, развития международных отношений, региональная стратегия государств могут опираться либо на доминировавшие прежде методы силового и военно-политического давления, либо на идеи всестороннего сотрудничества, технико-коммуникационной и экономической интеграции.

Глобальные сдвиги в системе международных отношений начиная со второй половины XX в. обусловили необходимость радикального пересмотра фундаментальных методологических принципов изучения современного мирового сообщества.

1. По мере технологического и социального прогресса произошло «сжатие» геополитического пространства и, как следствие, падение общественно-исторической роли географического фактора и его влияния на исторические судьбы и характер народов и стран. С изобретением и широкомасштабным внедрением новейших средств коммуникаций, транспорта (в частности, сверхскоростной авиации) и связи преодоление дальних расстояний стало просто рутинным делом, а наличие ракетной техники открыло неограниченные возможности доставки оружия массового уничтожения в любую точку земного шара.

2. В современную эпоху информационных технологий и новейших средств транспорта и коммуникаций влияние географического расположения на геополитику государства перестало быть столь фатальным, как это было в предшествующий период. Географический фактор потерял универсальную роль в международных делах, что потребовало переосмысления основных постулатов традиционной геополитики.

3. В современном мире существенной трансформации подверглись географические и пространственно-территориальные факторы развития мирового сообщества, а также отдельно взятых стран и народов в их взаимодействиях друг с другом. Более того, научно-технический прогресс второй половины XX в. имеет своим результатом качественную модификацию самих географических факторов функционирования и развития обществ.

В современном мире реальное значение приобретают различные формы пространства. Наряду с *территориальным* (водным, воздушным) пространством, обладающим четко осязаемыми физико-географическими характеристиками, существуют *экономическое, культурно-*

цивилизационное, информационное и другие пространства, которые оказывают влияние как на характер и направленность мировых процессов, так и на политическую стратегию каждого отдельно взятого государства. В этих условиях принципы традиционной геополитики, опиравшиеся на географический детерминизм, уже не могли объяснить процессы политического позиционирования государств в новых условиях. Все это способствовало смене парадигм и возникновению современной геополитики.

Более того, в начале XXI в. территориальное деление мира утратило прежние условия равновесия: глобальные экономические потоки все более ускользают от контроля национальных государств, суверенитет которых «сверху» также размывают международные, наднациональные организации, а «снизу» подтачивает сепаратизм и местничество. Страны как таковые становятся не столь важными, их границы преодолевает мощная бизнес-информационная сеть, созданная транснациональными корпорациями. Эта сеть образует экономические «фиктивные пространства» — более значимые, чем геополитически фиксированные. Эти обстоятельства не только вызвали новый всплеск интереса к геополитической проблематике в мире, но и заставили заново переосмыслить предмет, базовые концепты и проблемные комплексы политической карты мира.

Концепция Д. Майнинга По мнению американского геополитика *Дональда Майнинга*, в современной геополитике силовой аспект уступает место *культурному* — борьбе за умы и души людей, который становится основным фактором мирового господства. Культурная составляющая глобальной политики США делает ее внешнюю политику более привлекательной, нежели голое использование военной силы.

Особенно это актуально в контексте распространения американского влияния на страны Третьего мира, где во второй половине XX в. США натолкнулись на военное сопротивление национальных государств и их народов. В этих условиях более важной субстанцией является уклад общества, его культура, которую необходимо в первую очередь учитывать. По Майнингу, первый этап в становлении культур был связан с континентальным развитием, а более позднюю стадию развития составляет морская ориентация. На наличии выхода государства к океану основана типология культур Майнинга — *морская и континентальная*. Так, например, Китай, Северный Вьетнам, Бангладеш, Прибалтику, как выходящие к морю, он относил к пространствам континентальной культуры. Индия, Южная Корея, Бирма — геополитически нейтральны. В то же время страны Запад-

ной Европы, Турция, Пакистан и Таиланд склонны к талассократическому блоку¹.

Концепция С. Коэна Классическую (силовую) интерпретацию предмета геополитики подверг ревизии президент Ассоциации американских географов *Саул Коэн* на том основании, что к 1990-м годам значительно изменились контуры геопространства. В новых геополитических моделях, по его мнению, усиливаются акценты *геоэкономики* и *геокультуры*. С одной стороны, мировая стремнина капиталов и технологических трансфертов побуждает выделить под геостратегическими и геополитическими регионами особый уровень территорий — *путеворотов* (англ. gateway — ворота, вход) — современных аналогов Финикии, Ганзейского союза, итальянских городов-республик. С другой стороны, надо признать, что экономика является не единственной и, возможно, даже не главной основой «связывания» народов с территориями. Более важными силами могут оказаться *религия* и *культура*. Ссылаясь на опыт таких стран, как Финляндия, Андорра, Монако, Мальта, Бахрейн, Коэн предложил в 1992 г. длинный список кандидатов в «путевороты». Прибалтийские государства и Словения, Северная Ирландия и Баскония, Каталония и Кипр, Ливан и Эритрея, Кашмир и Таиланд, Гонконг и Тайвань, Квебек и Северная Мексика могли бы из конфликтных зон стать территориями с повышенными возможностями для обеспечения потоков знаний и капитала, специализированных функций промышленной переработки, торговли, туризма, финансовых услуг².

Концепция «путеворотов» примыкала к оптимистическим «глобалистским» сценариям 1990-х годов, крайним выражением которых был *мондиализм* (от фр. monde — мир) — доктрина объединения мира вокруг ценностей, институтов и интересов Запада, достигшего вершины своего могущества. На наш взгляд, противопоставление классической и постклассической версий геополитики, которое наметилось в литературе, является контрпродуктивным³. Напротив, они могут быть рассмотрены по *принципу дополнительности*, автором которого являлся всемирно известный физик Нильс Бор.

¹ См.: *Meining D.W.* Heartland and Rimland in Eurasien History // Western Humanities Quartely. 1956. № 9.

² См.: *Cohen S.B.* Geopolitics in the New World Era: A New Perspective on an Old Discipline // Reordering the World. Geopolitical Perspectives on the Twenty-first Century. Ed. By J. Demko & W. Wood. Oxford, 1994.

³ См.: *Гаджиев К.С.* Введение в геополитику. М.: Логос, 2002. С. 8.

В атомной физике, — писал Н. Бор, — слово «дополнительность» употребляют, чтобы охарактеризовать связь между данными, которые получены при разных условиях опыта и могут быть наглядно истолкованы лишь на основе взаимно исключающих друг друга представлений. Употребляя теперь это слово в том же примерно смысле, мы поистине можем сказать, что разные человеческие культуры дополнительны друг другу. Действительно, каждая такая культура представляет собой гармоническое равновесие традиционных условностей, при помощи которых скрытые потенциальные возможности человеческой жизни могут раскрываться так, что обнаружат новые стороны ее безграничного богатства и многообразия¹.

Таким образом, на исходе XX в. произошло коммуникационное сжатие пространства Земли, сопровождавшееся глобализацией потоков информации, капиталов, товаров. Почва перестала быть единственной и главной основой связывания народов с территорией. Более важными силами стали *экономика, религия и культура*, что расширило предметные границы геополитики. Территория приобрела новые геополитические параметры, ранее не учитывавшиеся в исследовании глобальной политики. Теперь стали говорить не только о геополитике, но и геостратегии, геоэкономике, геофинансах, геоидеологии и даже геокультуре. В условиях растущей взаимосвязи и взаимозависимости современного мира *пространственный* аспект международных отношений и лежащий в основе этого подхода географический детерминизм следует дополнить пониманием мирового сообщества в качестве единой завершенной системы государств в масштабах всей планеты. Современную геополитику следует рассматривать как дисциплину, изучающую важнейшие закономерности и принципы жизнедеятельности, функционирования и эволюции современного мирового сообщества, а также способы формирования глобального (стратегического) поведения государств и их союзов на мировой арене в единстве всех детерминирующих факторов. Опираясь на это, можно дать следующее определение геополитики:

геополитика — это наука, изучающая *механизм, формы и закономерности* властного контроля государств (их союзов) над геопространством, которые складываются в процессе их глобального взаимодействия и под влиянием всей совокупности детерминирующих факторов (географических, исторических, политических, культурных, цивилизационных и иных), определяющих стратегический потенциал государства в глобальной политике.

¹ Бор Н. Атомная физика и человеческое познание: Пер. с англ. М.: Иностранная литература, 1961. С. 49.

Очевидно, что в условиях глобализации современная геополитика может быть определена не просто как объективная зависимость внешней политики той или иной нации от ее географического местоположения, а как обусловленность поведения субъекта международных отношений *всей совокупностью факторов*, позволяющих ему осуществлять контроль над пространством. Для этого целесообразно, чтобы в границах геополитики существовало два самостоятельных, но взаимосвязанных комплекса знаний:

- (1) *фундаментальная геополитика*, призванная анализировать развитие геополитического пространства планеты с точки зрения меняющегося баланса сил в мире;
- (2) *прикладная геополитика*, призванная анализировать, формулировать рекомендации относительно генеральной линии поведения государств или группы государств на мировой сцене — в этом состоит ее назначение.

Методология геополитики

Геополитический процесс — результат сложного взаимодействия различных факторов, действие которых обусловлено объективными закономерностями формирования геополитического пространства. Распознавание их возможно с помощью всей совокупности познавательных средств и приемов, которые составляют *методологию* геополитики как науки. Сегодня, в условиях беспрецедентного роста масштабов и влияния международных отношений как на жизнь отдельных стран, так и на развитие человечества в целом, в геополитике используется широкий набор познавательных приемов, как заимствованных из других дисциплин, так и собственных.

Так, *системный подход* позволяет исследовать международные отношения комплексно, во всей их сложности и многообразии, выявлять характер и формы взаимодействия всех элементов, участвующих в системе международных отношений, взаимопереплетение их интересов и целей, характер и значение возникающих между ними конфликтов, их реальное содержание и значение с точки зрения мировой политики, пути и методы решения.

Для распознавания силовых полей в геополитическом пространстве и его структурирования используется *центро-периферический подход*. Если классическая геополитика описывала дихотомию «центр — периферия» как военно-политический конфликт между континентальным центром и морской периферией, то современная геополитика рассматривает его прежде всего как экономический конфликт и взаимодействие между *ядром* и *периферией*.

Правильно понимать реальности современного мира, динамику его угроз и вызовов позволяют *компаративные межстрановые иссле-*

дования. Сопоставляя набор детерминирующих факторов и формы их проявления в разных регионах мира, можно детально проанализировать все показатели геополитической мощи, призванные количественно отразить геополитическую ситуацию.

Метод *геополитического моделирования* предполагает исследование границ, проблем спорных территорий, межгосударственных конфликтов и т.п. путем построения и изучения их моделей, т.е. упрощенной картины реальности.

Модели позволяют идентифицировать важные компоненты события, системы, следуя от общего к частному. Кроме того, в геополитике широко используются и *количественные методы* (например, статистический, метод математического анализа), позволяющие анализировать бесконечное количество статистических показателей для обоснования своих прогнозов.

1.2. Формирование мирового геополитического пространства

Различные интерпретации предметного поля геополитики обусловлены главным образом меняющейся конфигурацией геополитического пространства, которая выступает *объектом геополитики* как науки. Геополитическая структура мира, или мировой политической порядок, на различных этапах эволюции человечества представлен множеством моделей жизненного пространства Земли.

Ойкумена (от греч. ойкео — населяю), т.е. области земного шара, заселенные человеком, не столь обширна, как обычно принято считать. Если же сложить площади всех городов, поселков, деревень и хуторов, то это составит лишь около 2% суши. В начале XXI в. форпосты человечества на Земле были повсюду: от станции «Северный полюс» на плавучей льдине в Северном Ледовитом океане до антарктической станции «Амундсен — Скотт» на Южном полюсе. Однако жизненная среда обитания человечества с точки зрения ее пригодности для проживания крайне неоднородна.

Основная часть населения планеты обитает в Южной и Восточной Азии, в Европе, на восточном побережье Северной и Южной Америки. Только 15% суши имеют плотность населения более 10 человек на 1 км². Тем не менее на огромных территориях Азии, Африки, Америки, Австралии и даже на севере Европы (в целом примерно 50% суши) плотность населения не достигает и одного человека на 1 км². Арктические острова Канады и России, Гренландия, горы Аляски, высокогорья Азии и Южной Америки, пустыни Африки и Австралии и, конечно, Антарктида (в сумме около 10% суши) вообще не считаются заселенными, так как не имеют постоянных жи-

телей. В экваториальных лесах и пустынях живут племена, до сих пор занимающиеся собирательством.

При этом ойкумена особенно не увеличивалась, хотя численность землян непрерывно растет. С начала 1-го тыс. н.э. до рубежа 3-го тыс. население Земли выросло примерно с 230 млн до 6 млрд. В истории человечества существовали эпохи Великого переселения народов в Евразии IV—VII вв., Великих географических открытий XV—XVII вв. и последующих колонизаций «открытых» земель, покорения пространств Северной Америки и Сибири. Но даже в периоды крупных перемещений населения человечество, как правило, не отвоевывало новые земли у девственной природы, а одни народы отбирали пространства у других.

Ярким примером является территория современных Соединенных Штатов Америки. Здесь до прихода европейцев жили индейцы, которые со своими походными жилищами — вигвамами — в поисках пищи переезжали с места на место. Относительно немногочисленные аборигены занимали огромные площади. Не заселялись только бесплодные пустыни и каменистые горы. Европейцы вытеснили индейцев с мест обитания и развили сельское хозяйство, позволявшее прокормить несравненно больше народа, чем рыболовство и собирательство. В результате резко увеличилась и плотность населения. При этом пустыни и горы остались в основном незаселенными.

Следовательно, площадь ойкумены оставалась практически постоянной, изменялись лишь плотность населения в разных областях Земли и типы использования земель. Последнее диктовалось балансом сил в мире и сменой способов контроля за жизненным пространством государств-гегемонов.

Конфигурация геопространства Земли всякий раз менялась по мере изменения *механизма и способов контроля* над ним со стороны разных стран. Мировое господство или доминирование тех или иных государств определялось различными факторами, набор которых на разных фазах геополитической эволюции заметно различался. Процесс складывания современного геопространства происходил в течение долгого времени, начиная с XV в. На каждом историческом этапе складывающаяся пространственная модель трансформировалась под воздействием различных факторов.

Первым толчком к формированию современного геопространства стало *развитие мореплавания*, основанного на комплексе знаний в области судостроения, географии, астрономии, навигации и т.д. Мореплавание впервые связало мир в единую систему, но при этом дало превосходство ведущим морским державам над континентальными. Благодаря скачку в мореплавании стали возможны Великие географические открытия, которые привели к «закрытию» мирового

пространства. Великие географические открытия определили тенденцию формирования целостного *европоцентрического* мира, превращения локальных и региональных исторических процессов во всемирный исторический процесс.

Следующая крупнейшая трансформация геопространства была связана с последствиями *первой промышленной революции* (конца XVIII — начала XIX в.), взорвавшей размеренную жизнь городов и принесшей на смену мануфактур — фабрики (систему машин), новые источники энергии.

Мощным фактором этой трансформации стало развитие сухопутных, сначала железнодорожных, а затем автомобильных, коммуникаций, что ликвидировало преимущество морских держав, сделав возможным быстрое освоение континентальных территорий. Проведение трансконтинентальных железнодорожных магистралей и разветвленной железнодорожной сети внутри государств в конце XIX в. способствовало росту геополитического значения России, Германии и США. Так, в начале XX в. Германия строила Багдадскую железную дорогу, которая должна была пересечь Турцию с северо-запада на юго-восток и выйти к Персидскому заливу.

Конец XIX в. ознаменовался новыми открытиями, приведшими к *революции в системе коммуникации*. Появились телефон, электрический телеграф, радиосвязь. Их изобретение означало переворот в системе геополитических отношений: сократилось время преодоления расстояний, произошло коммуникационное «сжатие» геопространства, что определило вектор развития мировых коммуникаций. Далее последовало развитие *авиации*, что в очередной раз изменило геопространство и геополитические представления о нем.

После Второй мировой войны (1939—1945) произошли новые радикальные сдвиги в способах контроля и освоения геопространства, особенно в военно-стратегических целях.

Появление ядерного оружия, межконтинентальных средств его доставки, возможное использование космоса в военных целях привели к потере былой геополитической неуязвимости прежде скрытых регионов, таких как центр Евразии и территория США, которые утратили возможность придерживаться стратегии изоляции от европейских дел. Появление и распространение ракетно-ядерного оружия уравнивали стратегические силы владеющих им государств независимо от их географического положения.

Начиная с образования в 1949 г. двух военно-политических блоков — *НАТО* и *Организации стран Варшавского договора* и до 1989 г. — падения Берлинской стены, т.е. на протяжении всего периода холодной войны, геополитическое пространство делилось по идеологическому принципу на три блока государств. Западный блок, пред-

ставленный промышленно-развитыми странами Западной Европы, Северной Америки и Японией, боролся с коммунизмом. *Восточный блок* — страны мировой системы социализма во главе с СССР противостояли империалистической системе. *Третий мир* был представлен ранее колониально-зависимыми странами, которые, получив независимость и учредив свои национальные государства, примыкали к одному из блоков, нередко меняя геополитические ориентации в угоду сиюминутным интересам.

После распада СССР (1991) и социалистической системы «блочная» структура геопространства прекратила свое существование и единственной в мире сверхдержавой оказались США (хотя утверждать о формировании однополярного мира преждевременно).

Следовательно, происходило сжатие геопространства и одновременно менялись *способы контроля* над ним. Первоначально была создана концепция *сплошного военного контроля над пространством*, свойственная для системы «метрополия — колония». Затем она была заменена концепцией *локального контроля* над отдельными сегментами геопространства — коммуникациями, материально-вещественными и информационными потоками, геополитическими базами. Распад колониальной системы в 1960-е годы привел к тому, что военный контроль постепенно отошел на второй план, будучи вытесненным *экономическим*. Экономический потенциал практически всегда играл роль локомотива в историческом развитии, смене влияний великих держав и изменении силовых полей. Наконец, в условиях глобализации и информационной революции XXI в. механизм и формы контроля за пространством трансформировались. В постиндустриальном мире могущество государств определяется их способностью контролировать информационное, виртуальное пространство, создавать новые смыслы, мироощущение, ожидания, востребованные в качестве мотивов деятельности миллионов людей.

1.3. Основные парадигмы в геополитике

Развитие любой науки есть процесс *смены парадигм* — широких концептуальных схем, служащих в течение определенного исторического периода базовой моделью постановки и решения актуальной проблемы в науках о природе и обществе. Геополитика в этом смысле не является исключением. Системное восприятие и объяснение пространственных отношений между государствами, понимание динамики сложившейся геополитической ситуации, распознавание глубинных основ геополитических конфликтов и противоречий в современном мире связаны с выбором модели теоретического истолкования этих явлений.

Понятие *парадигма* (от греч. *парадейгма* — образец) — одно из важнейших понятий в философии и социологии науки, введенное Т. Куном в книге «Структура научных революций». Парадигма представляет собой классическую научную разработку, которая воспринимается представителями дисциплины в качестве образца и становится основой целой научной традиции.

Следует отметить, что смена парадигм есть нечто большее, чем чередование теорий и концепций, выдвигаемых теми или иными авторами. Смена парадигм — это смена отношений к объекту исследования, предполагающая изменение методов анализа, установки и целей исследования, угла зрения на предмет, а часто и вообще смена самого предмета исследования. Процесс становления и развития геополитики как научной дисциплины подчинялся этой логике. Возникновение новых феноменов в геополитическом пространстве, природу которых уже невозможно было описать и объяснить в терминах прежней научной теории, приводило к смене геополитических парадигм. В геополитике можно выделить несколько основных парадигм, которые в интерпретации геополитического пространства опирались на различные факторы.

Институционально-правовая парадигма — государство или нация

Институционально-правовая парадигма представляет собой концептуальную схему, которая предполагает, что международные отношения должны строиться в соответствии с принципами и нормами *права*. В основе структурирования геополитического пространства — понятие «*институт*». По мнению сторонников этой парадигмы, институты (например, государство, рынок, семья, бюрократия, право) представляют собой логически последовательные образцы человеческой деятельности, прибегая к которым люди и организации производят и воспроизводят свое материальное существование и организуют время и пространство¹.

Применительно к глобальной политике экономические, социальные, политические институты — это ограничительные рамки, которые своим относительным постоянством упорядочивают взаимоотношения между государствами, международными организациями, народами, оформляют социокультурный контекст таких взаимоотношений, снижая порог неопределенности в человеческой жизни. Институционально-правовая парадигма позволяет выявить

¹ См.: *Rediscovering Institutions. The Organizational Basis of Politics* / Ed. by March J.G. and Olsen J.P. N.Y.: Free Press, 1989. P. 242.

основные единицы измерения системы международных отношений, ее границы, характер и механизмы взаимосвязи глобальных акторов.

В западной геополитике существует две основные точки зрения по вопросу о том, что представляет собой *основной компонент* международной системы. Одни авторы называют таким компонентом государство, другие — нацию.

Государство — основная единица международных отношений

Наиболее продуктивен подход, согласно которому основной единицей международных отношений является *государство*. Эту точку зрения так или иначе разделяют большинство специалистов в области геополитики. В период становления геополитики как науки основным субъектом геополитических отношений и единицей анализа было *национальное государство*, которое обеспечивает связь индивида с территорией посредством института гражданства. Национально-государственная организация общества позволила интегрировать разнородные интересы групп и индивидов, обеспечить их согласование и целостность с помощью политической власти. Государство — это единственный общенациональный институт, имеющий полномочия осуществлять внешнюю политику, участвовать в отношениях с другими государствами и международными организациями, заключать договоры, объявлять войну и мир и т.д.

Государственная организация общества (государство) в отличие от других организаций обладает рядом характерных, только ей присущих черт. Это суверенитет, принуждение, территориальная определенность, народообразование.

Суверенитет означает возможность обеспечить обществу независимое существование и развитие. Только государству принадлежит право официально представлять все общество в целом внутри страны и за ее пределами, издавать законы, осуществлять правосудие.

Принуждение означает необходимость подчиняться государству. В частности, вопросы о своей государственной принадлежности не вправе решать самостоятельно никто. Это прерогатива государственной власти. Государственное принуждение доминирует над правом принуждения других организаций (партий, церкви, общественных организаций).

Территория — неотъемлемый атрибут государства, обозначающий его границы. Территориальная определенность, в свою очередь, тесно связана с народообразованием. Как в прошлом, так и в настоящем государство являлось и является важнейшим народообразующим элементом. Словом, государство есть организация народной, национальной жизни.

Нация — основной компонент международных отношений

Такой подход, однако, встречает возражения у ряда западных теоретиков. Так, бывший президент Международной ассоциации политических наук *К. Дойч* предложил рассматривать в качестве основного компонента системы международных отношений не государство, а *нацию*¹. Эта точка зрения мотивировалась необходимостью расширить представления о действительных факторах влияния на международную систему и ее основных участников. Дело в том, что по своему содержанию международные отношения — это отношения не только между государствами, но и между народами. Например, культурные влияния далеко не всегда являются институционализированными и поддаются государственному контролю. Кроме того, на международные отношения в ряде случаев оказывает определенное влияние национальные общности, не имеющие своей государственности.

Тем не менее выдвижение понятия нации в качестве основного компонента международной системы затрудняет ее анализ, вносит путаницу. Прежде всего, нация — менее определенный, чем государство, феномен. Наций в этническом смысле существует во много раз больше, чем государств. Поэтому признание наций в качестве самостоятельного субъекта международных отношений могло бы серьезно затруднить международную практику. В частности, возникла бы достаточно сложная проблема их представительства в международных организациях, их права на международно-правовую защиту и т.д. В случае юридической трактовки нации, к которой так часто прибегают западные политологи, используя понятие нации-государства, дело сводится фактически к игре слов: на место государства ставится нация.

Существующие недостатки обоих этих подходов преодолеваются, если, с одной стороны, наряду с основными компонентами системы международных отношений выделять и неосновные, а с другой — в качестве основного компонента рассматривать прежде всего *государство*. Такое разграничение позволит трактовать в качестве неосновных, но активных элементов системы международных отношений также нации, добившиеся государственного суверенитета, различные международные движения, организации и т.п. К неосновным компонентам следует отнести и транснациональные корпорации, оказывающие заметное влияние не только на мировой рынок, но и на развитие международных отношений, особенно в освободившихся странах.

¹ *Deuch K. Political Community and International Level. N.Y., 1954.*

Роль международного права

Упорядоченность геополитического пространства обеспечивается благодаря *международному праву*. Международное право представляет собой набор норм и принципов, регулирующих систему международных отношений, а также взаимоотношения в рамках отдельных групп стран или на двусторонней основе. Формально оно закреплено в виде правовых норм, зафиксированных в международных соглашениях, в уставах международных организаций и других международно-правовых документах. Правда, принципы современных международных отношений часто игнорируются в деятельности развитых государств в угоду целесообразности, что порождает двойные стандарты в мировой политике и политике отдельных государств.

Последнее десятилетие ознаменовалось попыткой Запада создать так называемое «*новое международное право*», проявляемое, прежде всего, в вопросах международного уголовного права и права ответственности. Привычным испытательным полигоном для апробации «нового права» стали страны, не способные противостоять экспансии Запада, например Балканы, Африканский континент. Первой составляющей «нового права» стало создание новых международных органов с сомнительной компетенцией, а порой просто незаконных.

В череде испытаний этой составляющей следует назвать создание Советом Безопасности ООН Международного уголовного трибунала по Руанде; создание специального «гибридного» Суда по Сьерра-Леоне; проведение специального судебного процесса по так называемому «делу Локерби» против Ливии. Апробация деятельности только что созданного Международного уголовного суда проводится в Африке: первые расследования прокуратуры Суда начались в Демократической Республике Конго и Уганде.

Конечно, по мнению Запада, самые ужасные преступники в мире — именно в Африке. Преступления, совершаемые, например, Израилем и странами НАТО, конечно, в круг внимания Международного уголовного суда и «нового международного права» не попадают, ибо это «новое право» создается как раз этими самыми странами. Происходит активное внедрение «нового права» в деятельность уже действующих международных органов, в первую очередь в деятельность Международного суда ООН. «Новое международное право» представляет гораздо большую опасность, чем это видно в отдельных прецедентах. Это «право» угрожает самим основам международного права.

Геополитическая парадигма

Геополитическая парадигма рассматривает международные отношения как бесконечную борьбу государств за мировое господство и

лидерство в глобальной политике, контроль над территорией и коммуникациями, в которой главным аргументом является военная сила. Американский ученый *Ганс Моргентау* (1904—1980) признавал «борьбу за власть универсальным феноменом времени и пространства». Эта доктрина апеллирует к национальным интересам государства, а в качестве решающего фактора социально-экономического, политического и культурного развития народов, определяющего внешнюю политику государства, рассматривает географическую среду. Эта идея составляет стержневой элемент *географического детерминизма*. Большинство исследователей рассматривают геополитику как науку о глобальном взаимодействии государств, поведение которых обусловлено их месторасположением и территорией, создававшим предпосылки для господства или подчинения. На протяжении всей истории география и месторасположение государства всегда играли немаловажную роль в исторических судьбах и перспективах любого государства или народа. В древнейший период истории человечества географический фактор имел определяющее значение в жизни людей и государств, поскольку природа в буквальном смысле слова диктовала людям формы жизнеустройства и хозяйственной организации.

Одним из первых, кто обратил внимание на связь географии и политики, был русский географ и историк *Л.И. Мечников* (1838—1888). Он заметил, что многие древние цивилизации возникли и развивались на берегах больших рек: *египетская* — в долине Нила, *месопотамская* — Двуречье Тигра и Ефрата, *индусская* — Инда и Ганга, *китайская* — Янцзы и Хуанхэ. Реки служили удобными транспортными путями, а практически неисчерпаемые запасы воды позволяли развивать орошаемое земледелие. Становление ранних цивилизаций сопровождалось бурным ростом населения и высокими темпами развития хозяйства. Так, если в Древнем Египте 12—14 тыс. лет назад общая численность охотников и собирателей в долине Нила составляла десятки тысяч, то в эпоху Древнего царства (2800—2250 до н.э.) население выросло до 5 млн, а его плотность местами достигала 100—200 человек на 1 м².

Географический фактор обнаруживается во множестве аспектов, которые могут обеспечивать господство и гегемонию государства над своими соседями. Среди них размеры и масштабы территории конкретного государства, место его расположения, топография, климат, условия для сельскохозяйственного производства, наличие природных ресурсов, доступ к морям и океанам и т.д. Эти аспекты влияют на потенциальные и реальные возможности государства, определяющие его место и в мировом сообществе стран. Как пока-

зывает исторический опыт, сама земля, территория государства составляют тот стратегический *ресурс*, который по значимости, возможно, превосходит все остальные ресурсы. Реальные размеры территориальных владений не могут в той или иной форме и мере не оказывать влияния как на характер, так и на основополагающие параметры интересов государства. Ландшафт, степень плодородия почвы, природные ресурсы непосредственным образом сказываются как на структуре и отдаче народного хозяйства, так и на плотности населения. Топография и климатические условия страны крайне важны для развития путей сообщения, размещения ресурсов и народно-хозяйственной инфраструктуры, внутренней и внешней торговли. Положение относительно океанов и морей определяет близость или удаленность от важнейших рынков, центров силы и очагов конфликтов. Немаловажное значение для безопасности и национальных интересов имеет также близкое окружение государства.

Геоэкономическая парадигма — школа мир-системного анализа

В конце XX в. в развитии системы международных отношений, по мнению ряда исследователей, произошел переход от геополитической на *геоэкономическую парадигму*. Современный мир стал жить по новым геоэкономическим, а не геополитическим законам. Переход от геополитики к геоэкономике означал перемещение конфликтной логики из сферы публичной политики в сферу бизнеса и коммерции. Старое соперничество между государствами приняло новую форму, вектор которой определялся их экономической мощью.

По данным ООН, на 2000 г. на планете производилось в шесть раз больше богатств, чем в 1950-е годы. При этом в 174 странах средние доходы на душу населения сократились, как и средняя продолжительность жизни. Между 1970 и 1985 гг. мировое богатство увеличилось на 40%, количество бедных — на 17%. 225 самых крупных частных состояний насчитывают 10^{12} долл., что эквивалентно доходам 47 самых бедных стран мира. 780 млн человек голодают, 40 тыс. детей умирают ежедневно от голода и болезней.

Геоэкономический подход развивали в 1970-х годах представители школы *мир-системного анализа*: экономисты С. Амин (р. 1931), А.Г. Франк (1929—2005) и И. Валлерстайн. Они продолжали традицию системного исследования капиталистической цивилизации, заложенную французом Фернаном Броделем (1902—1985). Бродель предложил понятие «мир-экономика» для исторически складывающихся хозяйственных целостностей, охватывающих большие географические

пространства. Мир-экономики функционируют во «времени большой длительности». Высший их тип представляет капиталистическая мир-экономика Запада, стянувшая к себе всемирные товарные цепочки.

Американский ученый И. Валлерстайн в отличие от своего учителя Броделя считает западную мир-экономику единственной в истории, а предшествовавшие и сосуществовавшие с ней другие крупные целостности — «мир-империями». Но он согласен с Броделем в том, что эта мир-экономика (Валлерстайн называет ее также современной, или капиталистической, мир-системой) обязательно предполагает иерархии: рынков (от сельского базара до мировой биржи), классов (в том числе разнородности предпринимательства), регионов (центральный и периферийные).

Гегемония и полупериферия

Представление об иерархии «центр — периферия» Валлерстайн дополнил понятиями *гегемония* и *полупериферия*. Случаев гегемонии в истории насчитывается всего *три*: Соединенные провинции Нидерландов, Соединенное королевство Великобритании и Соединенные Штаты Америки. Держава-гегемон преобладает на мировом рынке и способна навязывать свои правила и желания в экономической, политической, военной, дипломатической и даже культурной сферах. Соперничество с ней других держав центра (или «ядра») принимает формы усиления государственности, меркантилизма и протекционизма.

Преимущество «ядра» перед периферией заключается в способности разнообразить свою сельскохозяйственную и промышленную специализацию. Это требует более высокого уровня квалификации рабочей силы и способствует развитию вольнонаемного труда. Напротив, уделом периферийных зон (колониальных или слабых государств) становится односторонняя специализация, поощряющая неквалифицированный труд в форме плантационного рабства или многодневной барщины. Центр реализует свое превосходство при помощи военно-морской силы, «высоких финансов» (Бродель) и создания «локальных монополий в рыночных сетях» (Валлерстайн). *Полупериферия* придает «пластичность» капиталистической мир-системе, добившейся того, чего не удалось мир-империям: неуклонно расширяясь, распространиться на весь земной шар.

Первоначально охватив Европу и Латинскую Америку, она в XVII в. включила Северную Америку, в XVIII в. — Россию, Турцию, Индию, западное побережье Африки, в XIX в. — остальные афроазиатские страны и Океанию.